

СТР.4

НОВЫЙ БИЗНЕС-АЛЬЯНС

СТР.8-11

И ЭТОТ ВЫПАЛ
ИЗ ПАМЯТИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№42(332)
ОКТЯБРЬ 2026

Бульварные Новости

ГДЕ ТЫ,
ВРЕМЕЧКО?

СТР.14-15

В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО
ВРЕМЕНИ

СТР.16-17

ВСЕ, ЧТО
БУДЕТ

СТР.5-7

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Геннадий Норд

Жизнь так повернулась, что в Париже они чувствовали себя углями давно догоревшего костра. Наталья Гончарова и Михаил Ларионов скитались по гостиницам, вечно налегке, вначале думая о том, что в Москве у них есть или был настоящий дом.

Этот небольшой трехэтажный дом в Трехпрудном переулке построил отец Натальи, известный архитектор Сергей Михайлович Гончаров. В одной из квартир он поселился с женой, другую выделил сыну, а третью — дочери Наташе и ее избраннику Михаилу.

Дом в Трехпрудном переулке

Молодые люди жили в трех комнатах, казавшихся им огромными. Может, потому, что из мебели у них были лишь кровать, стол, мольберт Гончаровой и служившая мольбертом Ларионову старая, снятая с петель дверь.

Когда приходили гости, Наталья накрывала стол, но чаще молодежь располагалась на полу, по-турецки поджав ноги, вокруг стоявшего на газете угощения.

Наталья была мастерица красиво все подать — в маленьких тарелочках высились горки риса, гречневой каши, черносливка, отдельно стоял капустный пирог, паштет и вкуснейшие сардинки.

В гостях у них бывали молодые и вечно голодные Кандинский, Маяковский, Бурлюк, Волошин, Судейкин — и тарелочки быстро пустели. Наташа бежала за добавкой.

Мог бы тогда кто-то предположить, что Маяковский станет первым поэтом страны, возникшей на месте Российской империи, а Михаил Ларионов — парижанином...

Михаил и Наталья познакомились в ранней юности, когда оба поступили в училище живописи, ваяния и зодчества. Любовь накрыла их с головой. Гончарова позднее обозначила этот период так:

— Мой роман и уход из дома.

Они практически сразу поселились вместе, сняв квартиру. Родным Натальи это казалось совершенно диким: барышня голубых кровей, вчерашняя гимназистка, окончившая с серебряной медалью обучение, и нищий парнишка из Тирасполя...

Но Наталья была своенравна и советов ни у кого не спрашивала. Потом отец смиловился и все-таки выделил им квартиру в Трехпрудном.

Наташа принадлежала к известному дворянскому роду. Михаил Сергеевич Гончаров, дед Натальи, был племянником Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной. Девочку называли Наташей в честь жены Пушкина.

Все кто знал Наталью, говорили, что от нее исходило ощущение строгости, чистоты и была присуща особая доброта.

Михаил Ларионов был выходцем из разночинцев, сыном военного фельдшера и не имел ни кола ни двора. Из училища его дважды исключали за неприличные эскизы.

Экзамен на звание художника Ларионов сдавал экстерном. Провалить его на выпускных не решились, его работы уже покупала Третьяковка.

Большой как медведь, светловолосый и курносый Михаил был обаятелен, хи-

Наталья Гончарова

Михаил Ларионов

Наталья Гончарова, Леонид Мясин, Игорь Стравинский, Михаил Ларионов, Лев Бакст, 1915 год

тер и в то же время наивен, как ребенок. Воля у него была стальная, самолюбие — бешеное: Ларионов стремился всегда быть первым.

Он считался самым талантливым из молодых художников, наделавшее много шума в Москве объединение «Ослиный хвост» было его детищем.

Не о таком зяте мечтал архитектор Гончаров. Но времена, когда нарушивших родительскую волю дочерей выставляли без приданого, ушли вместе с корсетами и кринолинами.

Старшие Гончаровы смирились с этой эпатажной связью дочери, но всякий раз вздрагивали, когда в газете видели оче-

редной репортаж, героями которого становились Наталья и Михаил.

До Первой мировой Ларионов и Гончарова успели принять участие в оформлении артистического кабаре «Розовый фонарь», а также сняться в первом русском футуристическом фильме режиссера Владимира Касьянова «Драма в кабаре № 13», где Наталья появилась полюбленной.

Единственный кадр из фильма, дошедший до нас — расписанная красками главная героиня с обнаженной грудью на руках Ларионова; по сценарию ее должны были бросать в снег.

По первому впечатлению Наталья —

благородная барышня, но никак не скандальная художница, увлеченная футуризмом, рисующая розы на своих щеках и снимающаяся в странных фильмах.

Ларионов скоморошничал, исполнял несколько придуманных им ролей одновременно.

Влюбленные различались как огонь и вода, и этим завораживали друг друга.

В те счастливые молодые годы даже бедность не была для них унижительной, оба верили — их ждет ослепительное будущее.

В Париже все изменилось. Они переехали во Францию в 1915 году по приглашению Сергея Дягилева.

Из воюющей России они выехали довольно легко: Михаил больше не годился для армейской службы.

Если бы не звание художника, дающее право на получение офицерского чина, Ларионов бы пошел служить рядовым, и все могло обернуться гораздо хуже. Но контуженному офицеру-артиллеристу удалось выбраться из немецкого окружения после разгрома под Таненбергом. Ларионов долго лежал в госпитале, затем был демобилизован — и тут подошло дягилевское приглашение.

Уезжали Наталья с Михаилом как все — «ненадолго». В Москве, в Трехпрудном, оставили картины и архив. Двинулись в путь налегке. К чему брать много вещей, если поездка максимум на полгода?

Однако вышло иначе: возвращаться стало некуда, знакомые рассказывали такие ужасы...

Из письма Натальи Гончаровой поэту Сергею Боброву:

«Как мне дорога каждая весть из Москвы. Начинаешь понимать китайцев, которые, как говорят, зашивают, уезжая из дому, горсть земли в подошвы туфель, чтобы всегда ходить по своей земле».

Костюмы и декорации парижских спектаклей, созданные Ларионовым и Гончаровой, имели небывалый успех.

Обладая чутьем на таланты, Дягилев отлично понимал, что только привкус скандала может стать приправой для модной премьеры. Он пригласил Наталью оформить спектакль «Золотой петушок», поставленный Фокиным на музыку Римского-Корсакова.

В своих интервью Дягилев рассказывал, как Гончарова заразила Москву новой модой. Те, кто стремится не отстать от времени, теперь красят лица в синий цвет и рисуют розы. Московский бомонд, мол, любит это делать зимой, когда в России не хватает ярких красок и солнечного света...

Газетчики и верили и не верили, но исправно транслировали дягилевские выдумки, а имя Гончаровой во Франции было на слуху.

Ларионов оказался выдающимся театральным художником. Он оформил балет «Ночное солнце».

Вскоре Дягилев не мог обходиться без этой необычной пары.

В мае 1919 года художники снимают квартиру на левом более дешевом берегу Сены, в 16 округе, на углу улицы Жака Калло и улицы Сены. В этой квартире они останутся до конца жизни.

Любопытно было бы узнать, сыграло ли роль при выборе квартиры название улицы: в честь Калло — виртуозного рисовальщика и гравера XVII века. Во всяком случае, в коллекции, которую собирал Михаил Ларионов, работы Калло присутствовали. Квартира была на верхнем этаже, а на нижнем и в то время размещалось кафе «Палитра» (La Palette), где пара частенько обедала.

На улице Жака Калло художники жили до последних дней, в Трехпрудном переулке в Москве — всего несколько лет. Но эти короткие годы оказались на редкость счастливыми, память о них не отпускала, она придавала сил в самые тяжелые дни.

Сотрудничая с Дягилевым, Ларионов и Гончарова жили не бедно, но своим жильем так и не обзавелись.

Однако со смертью Дягилева беспечная жизнь закончилась, а вскоре грянул мировой кризис, живопись не хотела по-

Гончарова и Ларионов

Эскиз декорации Натальи Гончаровой к спектаклю «Золотой петушок»

купать, галеристы остались не у дел.

В Париже экономить приходилось на всем. Михаил зарабатывал оценкой и перепродажей икон, Наталья оформляла рестораны и художественные балы, расписывала ширмы, преподавала. Дома моды заказывали Наталье рисунки для тканей и ковров, модели платьев...

Когда Ларионов заболел, Наталья ухаживала за ним, когда был здоров, их видели на выставках и в ресторанчиках.

Но их союз распался еще в начале двадцатых: она полюбила другого, а его утешила соседка...

Друг Гончаровой, Орест Иванович Розенфельд, был моложе ее на десять лет. До революции он принадлежал к меньшевистскому крылу РСДРП, с начала Первой мировой находился в эмиграции. Розенфельд вступил во французскую армию и прошел всю войну.

Он был довольно успешным адвокатом и на собственные деньги издавал газету. Когда у Гончаровой и Ларионова наступили тяжелые времена, он помогал им обоим.

Избранницей Ларионова стала Александра Клавдиевна Томилина. Она происходила из очень состоятельной семьи — подмосковная станция Томилино обязана своим названием их родовому имению. Отец Саши до революции управлял крупным банком, кое-какие средства ему удалось сохранить и в эмиграции.

Александра училась в Сорбонне, а затем поступила работать в парижскую библиотеку. Ларионов стал для нее главным мужчиной в жизни, и Саша полностью посвятила себя ему. Для Михаила это стало подарком судьбы: он был на много старше и часто болел.

Гончарова с облегчением переложила на Томилину бытовое обслуживание Ларионова и говорила:

— Если в доме несколько женщин, то старшая может ничего не делать.

Ларионов много времени проводил в квартире Томилиной, однако ночевать всегда отправлялся домой.

Что ж, Париж видал и не такое.

Иногда художники ездили на отдых вчетвером, со своими «половинами», иногда — вдвоем.

«Как жаль, что ты не со мной. Я так люблю быть с тобой. Несмотря на мой скверный характер, я так тебя люблю,

В фильме «Драма в кабаре № 13»

мой дорогой Соловей!» — писал Ларионов.

«Муравей... я очень хорошо знаю, что я — твоё произведение, и что без тебя ничего бы не было», — отвечала ему Наталья.

В Москве, в доме в Трехпрудном, все казалось простым, будущее выглядело светлым: служи искусству, люби человека, которого послала тебе судьба, а остальное приложится.

После революции дом национализировали, в их пустую квартиру вселились пролетарии, их холсты пошли скоро бы на растопку печек-буржеек, если бы не вмешались друзья. Картины перевезли в хранилище и мало-помалу переправляли во Францию.

Годы шли, друзей становилось все меньше.

Орест Иванович Розенфельд

Потом началась война, Орест Розенфельд попал в концлагерь. Оказавшись на свободе, он эмигрировал в США. Одна из учениц Гончаровой запомнила фразу Натальи Сергеевны:

— Все проходит: любовь, дружба... Только труд остается.

Гончарова и Ларионов

Наталья Гончарова, «Автопортрет с желтыми лилиями»

Пальцы Натальи Сергеевны изуродовал артрит, но превозмогая боль, она продолжала работать.

В 1954 году Ларионов перенес инсульт, был парализован. Надежда была на один известный санаторий, который стоил сумасшедших денег. Банковские счета были пусты. Но помогло чудо: авангард снова вошел в моду и один французский критик написал, что из живописи Гончаровой и Ларионова вышли едва ли не все современные художники.

Цены на их работы подскочили. Наталья, продав несколько картин раннего московского периода, переданных с оказией друзьями, нашла деньги на лечение. Ларионов поехал в санаторий.

Вторым чудом стало то, что Михаил поправился. К нему вернулась речь, он вновь без умолку разговаривал и наслаждался пешими прогулками по Парижу.

Гончарова писала Ларионову о его спутнице жизни так:

«Я не ревную, она хороший человек и я отношусь к ней с большим уважением за ее серьезную работу и отношение к тебе, и ценю ее какой-то особый шарм... она недополучает свою долю счастья, и это меня огорчает. ... Я думаю, что и Александре Клавдиевне меня ревновать не надо»

В 1956 году случилось то, чего напрасно полвека ждали родственники Натальи: они узаконили брак с Михаилом. Жизнь подходила к концу, детей не было, и хотелось сохранить то, что было для них дорожке всего — картины: тот, кто переживет другого, унаследует все.

Интересно, что чувствовала при этом Александра Томилина, ухаживающая за больным Ларионовым, штопавшая чулки Гончаровой, и убиравшая их квартиру...

К тому времени работы Гончаровой и Ларионова стоили дорого, бесценен был и архив Ларионова — оцениваемые семизначными цифрами рисунки Пикассо, письма Дягилева, Маяковского, редкие гравюры, антикварные книги.

Наталью Михаил пережил на два года, она скончалась в 1962 году.

Вскоре после ее смерти Ларионов женился на Александре Томилиной.

Томилина пережила мужа на 23 года и способствовала посмертной славе Ларионова: организовывала выставки, встречалась с исследователями и журналистами. Жила по-прежнему скромно, работала в библиотеке, прислугу не держала и умудрялась отправлять родственникам в Россию деньги и подарки.

В ее парижской двухкомнатной квартире одна комната была полностью занята архивом и картинами. Некоторые из них она продавала, по многим свидетельствам, работы Ларионова она хранила бережно, а вот картинами Гончаровой щедро расплачивалась.

По некоторым сообщениям, Томилина посмертно отомстила Гончаровой, почистив архив.

Энтони Партон пишет:

«В конце 1970-х годов Томилина начала стирать всё, что было связано с памятью Гончаровой. Она распорядилась личной библиотекой Гончаровой, просто выкинув ее в общественные мусорные баки дома».

После смерти Александры Томилиной картины Гончаровой и Ларионова разделили французские музеи и Третьяковская галерея.

Томилину, согласно ее воле, похоронили в одной могиле с Михаилом Ларионовым и Натальей Гончаровой на кладбище Иври-сюр-Сен в Париже.

Александра Томилина

Гончарова и Ларионов